

*Sofia K. Bairamukova,
PhD, associate professor,
Karachaev-Cherkessk State University*

Features of the Poetics of Historical Novel Plot (on the material of the North Caucasus literatures)

Key words: *literary genres, historical romance, myth, parable.*

Annotation: *article analyzes the development of the genre of the historical novel in the North Caucasus, the evolution of his story from other genres in the region.*

Исторический роман, как и все другие жанры литературы, эволюционирует во времени, обогащается; поэтика его порою радикально меняется, вбирая в себя миф, предание, притчу и т.д. В современном историческом романе на смену строго объективному повествованию нередко приходят субъективно аналитический рассказ, миф, притча; порою реальные исторические события служат лишь фоном, на котором разворачиваются человеческие судьбы и т.д.

Первым историческим романом, появившимся в литературах народов Северного Кавказа является «Горцы» кабардинского прозаика А. Шортанова.

В романе большое количество действующих лиц - разных социальных групп, разных национальностей, разного общественного положения. Действие происходит в Кабарде, в России, в ряде зарубежных государств, имевших геополитические интересы на Кавказе. Среди персонажей - реальные исторические лица и вымышленные герои (их на много больше реальных). При этом вымышленные герои - это типы, в которых легко узнаются определенные социальные типы кабардинского общества, за которыми стоят реальные прототипы.

Как и в жизни, в романе живут, думают, действуют, ликуют и страдают люди самые разные. Люди - начальники и подчиненные, богатые и бедные. У богатых право властвовать и присваивать, у бедных - работать, создавать богатство других. Важное достижение Шортанова в том что, у каждого персонажа свой, ни на кого не похожий, характер, своя ипостась, свое понимание смысла жизни, свое личное, выношенное, понимание правды и кривды, нравственности и безнравственности, героизма и трусости, верности и предательства и т.д. Иными словами, многие персонажи романа - типы-характеры. Это, едва ли не серьезное достижение романиста.

Противостоящие социальные группы, их взаимоотношения, образно говоря, - локомотив сюжета романа. В сюжетном повествовании, по принятой схеме, появляется образ русского интеллигента, врача по специальности, Солнцева, который по замыслу писателя, должен объяснить народу, кто его действительный враг, а кто друг, почему народ нищенствует и как найти «правильный» путь не отдельному индивиду, а всему обществу.

Писатель, надо полагать, с умыслом вводит в роман интеллигента –врача: человек этой специальности соприкасается со множеством самих разных людей (ведь болеют все - и богатые, и бедные, и образованные, и безграмотные). Это делает более объективными многие сюжетные положения романа. Образно говоря, жестокость, бесчеловечность, например, князя Адильджерия ярче высвечиваются в параметрах солнцевской концепции правды и справедливости. В «зеркале» Солнцева отражаются не только верхи, но и многие другие социальные типы. Поэтому, думается, писатель так внимателен к своему герою - к его интересам, окружению, делам, даже к бытовой обстановке.

Шортанов мастерски соединил события сюжета с главной идеей романа. Синтез получился достаточно органичным.

Роман «Горцы» подтверждает, что только мастерски продуманная поэтика сюжета, способная вобрать в себя многоликость бытия и событий, людских судеб, характеров, обстоятельств создает полноправный исторический роман.

Романы Б.Тхайцухова «Горсть земли» (1966) и Б. Шинкубы «Последний из ушедших» (1974) по содержанию и идеям как бы продолжают «Горцы» А. Шортанова.

Тхайцухов и Шинкуба овладели важным условием создания эпических повествовательных традиций, - они глубоко и всесторонне вскрывают сложные взаимоотношения, складывавшиеся между отдельными социальными группами, внутри отдельных групп. В обществе происходили необратимые процессы: распад патриархальных связей, корпоративной солидарности, рост приоритета личной заинтересованности, усиление корысти, зависти, вражды, предательства. Одним словом, и у убыхов, и у абазин интенсивно шло социальное расслоение с его неизбежными последствиями. В романе Шинкубы молочный брат Золака, Шардын, сын Алоу «жил в хорошем крепком доме. У него были и земля, и леса, и пастбища, и распаханное поля. Жители нашей деревни, - вспоминает Зауркан, - пасли на его пастбищах и свой, и его скот и сообща пахали, сеяли, а потом убирали урожай с его полей, и виноград тоже собирали для него, выжимали вино не только себе, но и ему» (6, р.36). Заняв выгодное место в обществе, Шардын хочет сохранить все как есть. А это легче сделать, как ему кажется, в Турции, а не в России. Поэтому он агитирует народ переселиться в Турцию. «Я думаю, генералы царя все равно не дадут нам больше жить здесь, на нашей земле. Сражения идут все выше и выше в горах, все ближе и ближе сюда. Прежде, чем нас проткнут штыками, не лучше ли все-таки попробовать спастись?» (7, р.39). Спастись, безусловно лучше, чем погибнуть. Но как? Какой ценой? Это не важно для Шардына. Его личные интересы выше народных. «А чего нам ждать здесь? - продолжает Шардын. Ждать, когда русские генералы переселят нас за Кубань?» В таком случае, пугает он, случится самое страшное: «И веры лишимся, и сыновей наших в солдаты заберут, и землю нам каждому придется покупать для себя, потому что там, в России, помещики теперь не заботятся о своих крестьянах, у них отняли это право! На что вы купите там землю? А если не купите - как будете жить без земли?» (6, р.67).

Прибегая к социальной демагогии, Шардыну удалось склонить многих, в том числе и семью Зауркана Золака, к переселению в Турцию. «Мы, проводив его

(Шардына - С.Б.), - вспоминает Зауркан Золак, - стояли и молча смотрели на огонь, словно только что вернулись с похорон. Мать не стала варить мамалыгу, не повесила котла над очагом, даже не загнала кур в курятник. Мама сидела и обливалась слезами. И отец не вышел доить коров, сидел у гаснущего очага и думал. На лбу у него несколько раз выступали капли пота, и он вытирал их концом башлыка» (6, р.71).

Каждая деталь - движение, жест, молчание - здесь глубоко психологичны. Сцена говорит сама за себя; она передает, как невыразимо трудно покинув родину, отправиться неведомо куда. Утеря родины, если вдуматься, это смерть этноса. Мотив этот писатель передает в живых образах добиваясь сильного эмоционального воздействия на читателя, который видит, какая беда вселилась в дом одного из убыхов (стало быть и всех). Жизнь замерла, замерли люди, не в силах что-то делать: мать не варит ужин, не вешает котел, не загоняет кур в курятник, отец не доит коров, все молчат, как будто только что похоронили близкого человека. Картина эта - предвестница еще большей будущей трагедии. Таких картин и в романе «Горсть земли» немало, что говорит о схожести типа художественного мышления у обоих романистов.

Подобные приведенной, сцены, убедительно говорят об овладении писателями принципами психологического анализа. В этом аспекте важно умение психологически наполнить реалистическую деталь, реплику, жест, внутренний диалог. И это под силу обоим романистам.

Писательское мастерство просматривается и в обрисовке крупных, диалектически сложных, противоречивых образов в их эволюции и в связи с изменяющимися обстоятельствами, ситуациями, политической ориентации, личными интересами и т.д. В этом плане весьма показательна, например, концепция образа Хаджи Керантуха. Керантух в течение многих лет был вождем убыхов в их борьбе за свободу. Натура чрезвычайно сложная и противоречивая! Создавая его образ, писатель использует различные художественные приемы: авторскую и косвенную, языковую характеристики и т.д. В конечном счете, все это для того, чтобы персонаж предстал многогранно, и это писателю удается.

В интерпретации образа Хаджи Керантуха Шинкуба следует логике художественной правды. Мужественный и бескомпромиссный предводитель народа Керантух, к несчастью, оказался близоруким политиком: как никто другой зная, что борьба фактически проиграна, он - за продолжение сопротивления.

В обоих романах, в изображении народных судеб, особенно много совпадений. Вот семья Зауркана Золака собирается в путь. Прежде чем отправиться в пугающую неизвестность, Золаки решили попрощаться с могилами близких (глава называется «Горсть земли»). Сцена прощания с могилами близких даже в деталях совпадает с эпизодом романа Тхайцухова. Зауркан вспоминает: «Еще издали я услышал плач и стон людей, собравшихся около родных им могил. Когда я подошел ближе, то увидел, что мой отец стоит на коленях перед могилами своего отца и матери и, склонив седую бороду, плачет, ударяя себя кулаками в грудь, моя мать и сестра стояли поодаль ... над маленькой могилкой, в которой был зарыт мой, умерший в детстве, старший брат. Они стояли с распущенными волосами, плакали» [6, р.99-100).

И в романе Тхайцухова переселенцы прощаются с могилами жены и матери. Асият рассказывает: «Мой отец остановился у могилы с белым надгробным камнем... На могиле рос одинокий красный цветок. Никогда в жизни я не видела такого красивого цветка. Я наклонилась и, не отрывая глаз, смотрела на его нежные лепестки. С одного лепестка свисала крупная капля росы... Я тронула пальцем лепесток, и капля растеклась холодным ручейком по пальцу... На месте прежней появилась новая капля и повисла на кончике лепестка. - «Это - твоя мать, это могила твоей матери», - сказал отец - я смотрела не на могилу, а на цветок. Мне казалось, что это не цветок, а моя мать, которая превратилась в цветок, плачет, провожая нас. Мой отец взял с могилы горсть земли, осторожно завернул в носовой платок и положил в карман. И в этот миг капля сама сорвалась с лепестка и упала на могилу. Плакала мать в могиле, плакал цветок на могиле... Я до сих пор вижу тот цветок - плачущий цветок» (4, р.67).

В поэтике романов Тхайцухова и Шинкубы жанрообразующую роль играет песня – сама душа народа.

В «Последнем из ушедших» также художественно необходимы все вошедшие в роман песни (а их множество – и народных, и авторских).

Песня в романах «Горсть земли» и «Последний из ушедших» выполняет серьезную идейно-эстетическую роль: она выражает мысли и чувства всего этноса. И в этом плане она выступает в поэтике романа как мощное жанрообразующее начало. Песня глубоко и эмоционально передает нравственно-психологическое состояние народа - изгнанника.

Наряду с песней структурообразующую роль играет в обоих романах и публицистика. Она чаще всего используется в высказываниях о родном языке. В этих фрагментах романов нередки и текстуальные совпадения. Оба писателя исходят из того, что народ без языка не существует как социоединица. С потерей языка этнос исчезает. Эта мысль пронизывает всю структуру «Горсти земли» и «Последнего из ушедших!» Другая не менее важная мысль, проходящая через романы: язык и родина - понятия равнозначные. И чувство родины, и чувство языка обостряются до болезненности, когда над ними нависает угроза утраты.

Анализ романов «Горсть земли» «Последний из ушедших» подтверждает, что поэтика исторического романа формируется на основе привлечения разнородного материала, использования различных стиливых приемов. В результате создается широкая панорама жизни, вписанная в конкретную историческую обстановку.

Итак, «роман в литературах Северного Кавказа складывается на почве органического сплава национальных художественных традиций и опыта развитых литератур; сюжет его строится на сочетании исторического документа и художественного вымысла; героями его становятся реальные люди и вымышленные персонажи, приобретающие черты характеров – типов» (2, р.37).

Исторический роман в литературах Северного Кавказа с зарождения был эпически повествовательным, т.е. строго объективным. Сюжет в большинстве случаев был однолинейным, он развивался хронологически последовательно. В 60-е годы XX века поэтика сюжета усложняется, стремясь полнее охватить события, происходившие в жизни народа, ввести в повествование типичных и нетипичных

представителей всех социальных групп. В романы широко вводится большой этнографический и фольклорный материал (романы А.Кешокова «Вершины не спят», И.Машбаша «Тропы из ночи», Х.Теунова «Род Шогемоковых» и многие другие).

Роман И.Машбаша «Из тьмы веков» - широкое эпическое повествование о Рееде - известном в истории вожде косогов (одного из адыгских племен). Действие романа относится к XI - началу XII веков. Центральный герой романа Реед. К нему стягиваются все сюжетные линии. Критик Х.Тлепцерше, анализируя роман, выявил главные сюжетобразующие линии произведения. Он пишет: «Вокруг трех важнейших проблем завязываются в романе конфликтные узлы: борьба за великокняжеский престол в Косогии и на всей адыгской земле; борьба за объединение адыгов в единую страну с централизованным управлением, проблема вероисповедания. Писатель сознательно заостряет внимание на этих проблемах, в результате все сюжетные линии и коллизии романа оказываются связанными с ними, в разрешении конфликтных узлов так или иначе принимают участие все персонажи романа» (1, p.87).

Конфликтные узлы, выявленные критиком, образуют сложнейшую архитектуру романа.

И.Машбаш, подробно воссоздав вехи жизненного пути Рееда, особо выделяет одну ипостась - герой его, прежде всего, государственный деятель, озабоченный проблемами глобальными, судьбоносными для всего этноса. Это придает образу центрального героя романа особую масштабность и особую значительность. Главное в его жизни - осознаваемая разумом и чувствами ответственность за истинные, жизненные интересы народа, за его настоящее и будущее. Смысл своей жизни он отстаивает в многообразии социальных борений в обществе, порою диаметрально противоположных, враждебных друг другу, переплетающихся, сходящихся, расходящихся, вызванных различными взглядами на бытие этноса, на его исторические перспективы, его политические и нравственные ориентации, рожденные личными амбициями и многими другими причинами. Поэтому в романе такое многообразие образов-характеров.

Роман Т.Адыгова «Щит Тибарда» рассказывает о событиях XII - начала XIII веков в истории адыгов. Он обнаруживает немало типологических сходений с романом И.Машбаша «Тропы из ночи». В «Щите Тибарда», как и в машбашевском романе, в центре повествования человек, все помыслы, поступки, дела подчинены одной единственной цели - защита земли адыгов от многочисленных внешних врагов.

Роман К.Джегутанова «Золотой крест» вписывается в типологическую закономерность развития северокавказской романистики. Проблематика его - время борьбы древних абазгов, предков современных абазин, против Византийской, Персидской и Турецкой экспансии. По кругу проблем, художественно исследуемых, он типологически близок к романам Т.Адыгова и И.Машбаша. Главные герои романа - это борцы за сохранение древнего Абазгского царства, самого этноса с его сложившейся материальной и духовной культурой. Построенный в форме семейно - бытового романа, он содержательно выходит далеко за его пределы, стремясь к панорамному повествованию. В нем множество сюжетных линий, действующих лиц, событий, имеющих судьбоносное значение для настоящего и будущего народа.

Как отметила критика, «сюжет романа составили народные предания, обогащенные художественным вымыслом. Авторское начало настолько органично вплавлено в поэтику и стилистику романа, что весьма затруднительно разграничить фольклорно - коллективное и индивидуально – авторское в нем» (3, р.290). Такая организация структуры романа, полагаем, продиктована следующим. Сюжет романа воссоздает в живых картинах судьбу абазинского этноса со времен византийской колонизации восточного Черноморья до позднего средневековья. Письменных источников об этом периоде мало. Поэтому писатель вынужден больше опираться на народные предания. Поэтика «Золотого креста» находится в типологическом родстве со многими новописьменными романами.

Роман К.Джегутанова свидетельствует о складывающемся многообразии типов исторического романа в новописьменных литературах, сюжет которых опирается на исторические факты, на устные предания, на этнографию. В результате - формируется поэтика, диалектически сочленяющая разнородный материал, организованный в идейно - эстетическое единство.

Роман Н. Куека «Черная гора» (автор дает своему произведению жанровое определение «повесть») - самое современное эпическое повествование, хотя в основу сюжета положены события давно минувших лет. «Черная гора» современное, более того, жгуче современное произведение. Почему? Да потому, что в нем поставлены и решены на высоком философско-аналитическом, художественно - поэтическом уровне глобальные проблемы человечества, которые стояли, стоят, и будут стоять перед ним вечно, всегда и везде, в любом общественном устройстве. Добро и зло, судьбы человечества и отдельного человека, судьба самой жизни, Планеты, а в наше время и Вселенной всей - вот чем озабочен писатель, хотя он нигде не говорит прямо о наших днях, но то, о чем рассказано в романе, не может не привести к мысли, размышлениям, выводам о судьбах человечества, о судьбах народов, планеты Земля, и о многом другом. Хватит ли Разума, Воли, Силы, желания у человечества самосохраниться, выжить в мире, где накоплено столько смертоносного оружия, способного уничтожить все живое, да и саму Землю? Продолжится ли род человечества? Не станут ли нынешние последними людьми, жившими на Земле, которую они сами же сделали мертвой? Роман Куека ставит перед всем человечеством, перед каждым индивидуумом глобальные, судьбоносные (или вовсе судьбообразующие) вопросы, ответить на которые надо, иначе всему конец, иначе Солнце рухнет во тьму.

Философско-нравственное, эпико-мифологическое, реально-историческое содержание романа охватывает огромное временное пространство, поэтика его "соткана" из самого разнородного материала, мастерски сфокусированного на основной идее.

Как видим, в новописьменных литературах сформировалось разнообразие видов исторического романа. Это говорит об укреплении реализма в них, о формировании разных стилевых течений, об обогащении структуры и обновлении поэтики.

References:

1. *Tleptershe Kh. Past – is part of present: the Soviet Adygea, 2000; 87.*

2. *Tugov VB. The formation of the historical novel (on the material of the North-Caucasian literatures): Tradition and modernity: a method and genre. Cherkessk, 1986; 37.*
3. *Tugov VB. Folklore and literature Abaza: dynamics of interaction. Dis. ...Dr. the topic of degree work. Sciences. Maykop, 2003; 290.*
4. *Thaitsukhov B. Handful Of Earth. Cherkessk, 1993; 67.*
5. *Shazzo KG. Living word of truth: Literary Adygea. Maykop. 1998. No. 3.*
6. *Shinkuba B. the Last of the departed. M., 1976.*

